

Некрасовский рубеж

Владимир Броудо
Некрасовский рубеж

«Издательские решения»

Броудо В.

Некрасовский рубеж / В. Броудо — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901545-7

В сборнике «Некрасовский рубеж» в сжатом виде описаны бои в ноябре-декабре 1941-го в окрестностях будущего городского поселения Некрасовский Дмитровского района Московской области с фашистскими оккупантами в битве за Москву. Кратко описаны события тех героических дней, когда грандиозная немецко-фашистская армада не смогла победить дух советских воинов, выстоявших рубеж Дмитров — Хлебниково и несмотря на огромные потери погнавших врага обратно в своё логово. Рекомендуется для популярного чтения.

ISBN 978-5-44-901545-7

© Броудо В.
© Издательские решения

Содержание

О битве под Москвой в ноябре-декабре 1941 года	6
Дмитров – Яхрома. Перемиловская высота	11
Деденево – Морозки – Турист	16
Рассказ – исследование Ю. М. Елохиной	19
47-я отдельная (курсантская) стрелковая бригада	22
44-я отдельная стрелковая бригада	30
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Некрасовский рубеж

Редактор и составитель Владимир Броудо

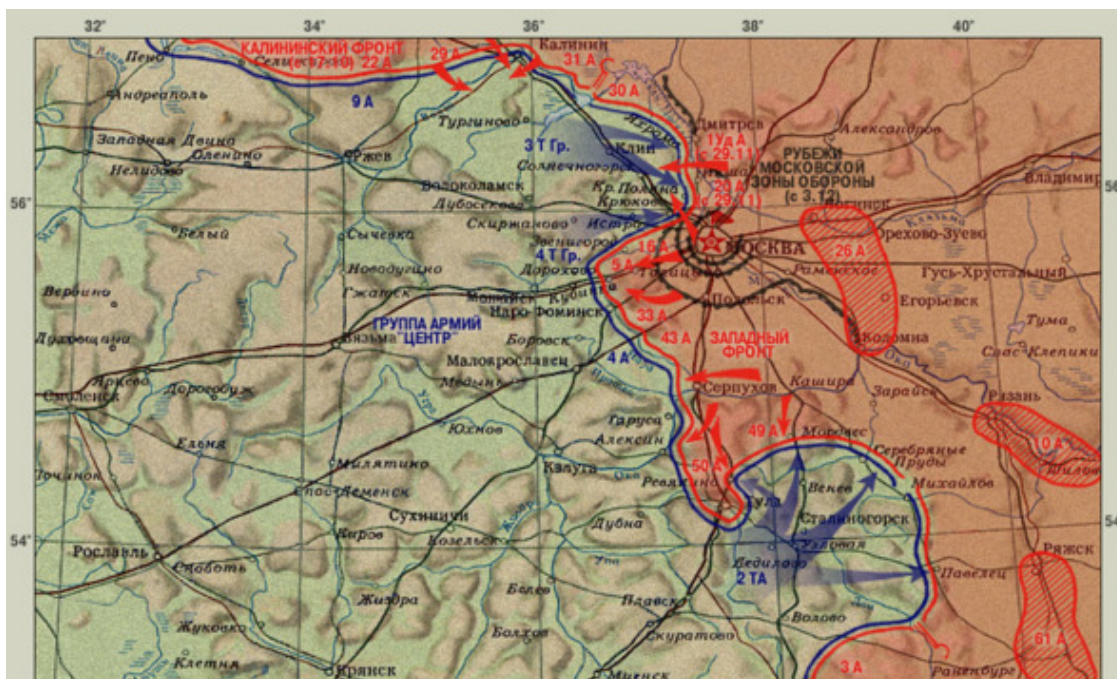
ISBN 978-5-4490-1545-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О битве под Москвой в ноябре-декабре 1941 года

Недалеко от нынешнего гп Некрасовского – от Дмитрова до Хлебникова – в ноябре и декабре 1941 г. шли тяжёлые бои за Москву

Карта битвы за Москву, 1941 г

Все мы, жители городского поселения Некрасовский, кто каждый день, кто реже, ездим на электричках Савёловского направления. А ведь эти две пары рельсов от Дмитрова до Хлебникова явились той тонкой нитью на карте боевых действий ноября-декабря 1941 года, которую так и не смогли преодолеть фашистские оккупанты в злобном порыве стремящиеся перейти этот важный передний рубеж обороны Советских войск, выйти на Дмитровское шоссе, и двинуться танковой армией на Москву.

Ценой сотен тысяч жизней советских солдат и офицеров удалось остановить, а затем заставить врага отступить от Москвы. В эти дни была решена судьба Москвы, и в целом нашей страны в Великой отечественной войне.

И вот, когда мы садимся в электричку Дмитров – Москва, и подъезжаем к Яхроме. Рубеж Дмитров — Яхрома обороняла 1 Ударная Армия под командованием генерала В. И. Кузнецова. 28 июня 1941 Яхрома была захвачена немецкими войсками. Немцы планировали с ходу взять Дмитров и сомкнуть кольцо блокады вокруг столицы, а водой из канала затопить Москву. Так же чтобы не допустить переправы немцев через канал, часть воды из канала спустили и немецкие танки проваливались под воду. Затем воду пустили вновь, она доломала лёд и канал стал шириной 80 метров как преграда атакующим немцам. Мосты через канал были взорваны. Решающим сражением за Дмитров и Яхрому были бои за стратегически важный плацдарм – Перемиловскую высоту. 29 ноября удалось отбросить немцев на правый берег канала, а затем развить успех и 7 декабря освободить Яхрому.

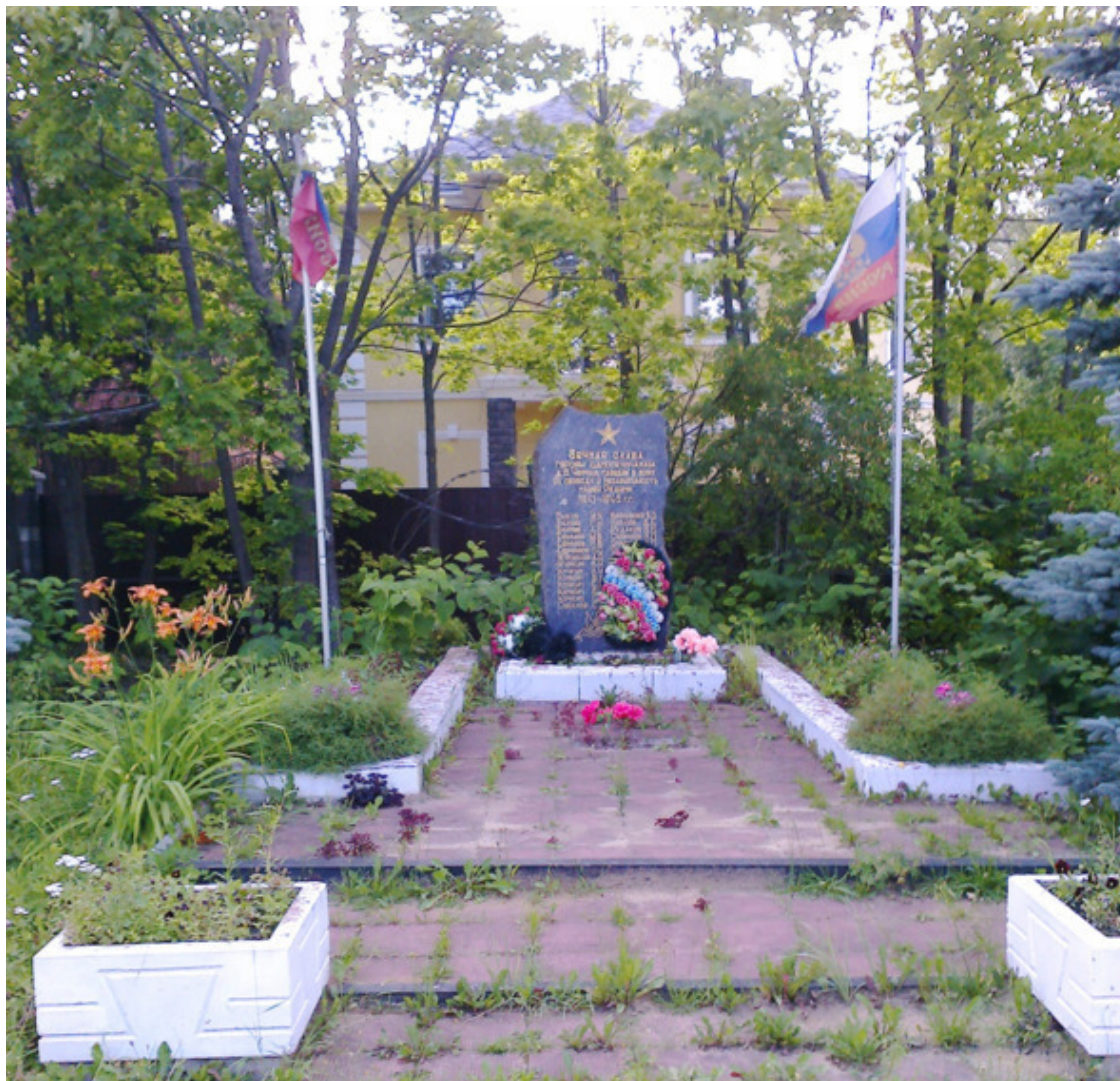
В 1966 г., в год 25-летия битвы под Москвой прямо на высоте, на самой её вершине 6 декабря установили памятник – бросившийся в атаку бронзовый солдат с поднятым над головой автоматом ППШ в руке.

В Деденево героически сражалась 47 отдельная (курсантская) стрелковая бригада, командир полковник Лысенков Сергей Николаевич В Икше, помимо регулярной армии, действовал партизанский отряд под командованием В. А. Дробышеского,

Подъезжая к Трудовой, слева видим д. Чёрная. Здесь начиналась зона ответственности 20 Армии генерала А. А. Власова. Вместе с другими частями здесь оборону держала 64 морская стрелковая бригада (командир Б. И. Скорохватов, затем И. М. Чистяков). 1 батальон бригады занял в конце ноября рубеж д. Чёрная-д. Сухарево, второй – д. Сухарево – д. Киово, третий – д. Киово-Хлебниково. Штаб бригады расположился в Марфино, где установлен обелиск в её честь. Если смотреть на карту боевых действий, то это практически в том числе и территории нынешней Трудовой и Катугара.

Положение 30 ноября 1941 г. – 64 стрелковая бригада в обороне. Правый фланг от Икши – части 1 Ударной Армии

Памятник павшим героям в Великой Отечественной войне в деревне Б. Чёрная . Июль 2018 г. Фото В. Броудо

Бригада вместе с другими частями Советской Армии приняла участие в тяжелейших боях против сильного, усиленного несколькими танковыми армиями противника, прорывающегося к Дмитровскому шоссе и каналу Волга – Москва. 3 и 4 декабря произошли кровопролитные бои за Белый Раст, которые не увенчались успехом. Только 7 декабря враг был отброшен и 64 мсбр вошла в историю как один из ключевых участников перелома в Московской битве.

Тяжёлые кровопролитные оборонительные бои прошли в эти дни и в районе Луговой, Лобни, Хлебниково. Немцы в конце ноября захватили Красную Поляну и уже делали разведывательные вылазки в сторону Химок и Речного вокзала г. Москвы. В составе 20 Армии 64 морская стрелковая бригада проявила героизм, самоотверженность и выстояла. 7 декабря по всем фронтам началось контрнаступление Советских войск, и фашистская армия стала откатываться от Москвы. Произошёл главный перелом в истории Великой Отечественной войны, окончившейся только через четыре года.

Многие воины отдали жизнь за нашу свободу. В Лобне стоит известная всем зенитка, из которой сержант Шадунц уничтожил несколько вражеских танков. В этом районе Киово,

не давая фашистам преодолеть железнодорожный переезд, воевал и 3-й батальон 64 мсбр. Тяжёлые потери понёс и 2-й батальон в районе Луговой, затем в Б. Расте.

В Луговой также установлен памятник павшим воинам. В Шолохово, на рубеже, где были остановлены фашистские танковые бригады, создан «Музей танка Т-34».

В Белом Расте ухожена братская могила, в котором упокоилось 512 воинов 64 морской стрелковой и 24 танковой бригад. Имена многих так и остались неизвестными, так как в дальнейших боях бригады архив был сожжён артиллерией противника. Да и много было в первые месяцы войны неопытности, а отсюда многие нестыковки в управлении войсками.

В декабре 64 мсбр участвовала в боях за Волоколамск, Солнечногорск, Клин. В конце декабря из почти 4480 воинов бригады в строю осталось не более 200, и бригада переформировалась 82 мсбр, получив пополнение. В дальнейшем 82 бригада так же героически участвовала в боях за освобождение Родины.

Конечно, в коротком рассказе всё не расскажешь. Но сядя в электричку, посмотрите в окно в сторону Яхромы, Б. Раста, Трудовой, Катуара, Луговой, Лобни, Хлебниково, Долгопрудного, Москвы... Поблагодарите наших предков за нашу свободу и мирное небо. Городского поселения Некрасовский в нынешних границах в 1941 году ещё не было, но НЕКРАСОВСКИЙ РУБЕЖ мы всегда проецируем на современность, ведь пролитая предками кровь протекает теперь по нашим сердцам, а мы приняли эстафету охраны этого рубежа...

Приходите к памятникам павшим освободителям в Трудовой, Катуаре, Б. Расте, Лобне, Луговой, Деденево, Яхроме, Дмитрове, Хлебниково, Долгопрудном и др. – вспомните своих дедов и отцов, бабушек и матерей.

Владимир Броудо, майор в отставке, ветеран военной службы, член Общественного Совета городского поселения Некрасовский Дмитровского р-на Московской обл., главный редактор молодёжной газеты гп Некрасовский «Трудовые будни», член редколлегии информационно-аналитической газеты гп Некрасовский «Наши Некрасовский», автор ряда изданных книг по местной истории и краеведению, руководитель литературного клуба мкр Трудовая «Литклуб Трудовая», администратор общественного сайта мкр Трудовая и мкр Строителей «Военный городок Трудовая» (более 1700 уч.), трижды лауреат премии губернатора Московской области (2015, 2016 и 2017 гг.)

Дмитров – Яхрома. Перемиловская высота

Перемиловская высота (Перемиловские высоты) – место боёв во время Великой Отечественной войны (в 1,5 километрах от города Дмитров, в восточной части нынешнего города Яхрома). Такое название это место получило в конце 1941-го, когда здесь с 27 ноября по 5 декабря шли кровопролитные бои, по наименованию деревни Перемилово Дмитровского р-на на левом (восточном) берегу канала имени Москвы (ранее канал Москва – Волга), напротив г. Яхрома, сразу возле моста через канал.

Наступление наших войск. Фрагмент панорамы Перемиловской высоты

Немцы рвались к Москве. После неудач на Волоколамском направлении основным направлением удара немцев стало северное.

В начале ноября 1941 года с приближением фронта над Дмитровским районом нависла угроза оккупации, оборудование предприятий и их рабочие были эвакуированы на восток страны. Также этого требовали начавшиеся в октябре **бомбардировки Дмитрова** – мостов, предприятий, железнодорожной станции. 5 ноября только в поселке перчаточной фабрики погибло 12 человек. 11 ноября бомбили вокзал, погибло 67 человек.

Между тем линия фронта приблизилась к Подмосковию. В момент наибольшего продвижения к Москве враг оказался и на древней Дмитровской земле. Силами 2-х танковых и 1-й

моторизованной дивизий враг устремился к Дмитрову и Яхроме. В Яхроме никто не ожидал появления немцев, к тому же они схитрили. Специально подготовленные диверсанты, переодетые в наше обмундирование, пользуясь темнотой, сняли охрану и захватили мост, что позволило их танкам и пехоте в ночь с 27 на 28 ноября перейти на восточный берег канала.

Битва за Перемиловскую высоту

Частью своих сил, порядка 30 танков в сопровождении пехоты, фашисты устремились к Дмитрову с юга. А в Дмитрове, у шпилевского переезда (окопы и сейчас видны вдоль берега) укрепился истребительный батальон. Он и должен был встретить врага. К счастью сюда прибыл и вступил в бой с танками врага бронепоезд №73 войск НКВД¹. Большую помощь оказала ему Маша Литневская, восемнадцатилетняя стрелочница станции Дмитров. Под огнем противника она переводила стрелки, обеспечивая подвижность и маневренность бронепоезда.

---

¹ 73-й отдельный бронепоезд войск НКВД по охране железных дорог. Вооружен был бронепоезд 76 мм пушками и был хорошо бронирован. Мог разделяться на две части, которые вели бой самостоятельно. 7-я танковая дивизия вермахта была вооружена легкими танками с 37 и 20 мм пушками, которые не то, что подавить, повредить бронепоезд не могли. Бой бронепоезда с танками под Дмитровом хорошо описан. Например, здесь: <http://info.idmitrov.ru/questions.html?id=6>

Мария Барсученко, в девичестве Литневская, 1941 г.

Другая группа немецких танков устремилась к Перемилову. У них на пути чуть ниже того места, где сейчас возвышается монумент героям битвы за Москву, с двумя орудиями встал лейтенант Г. Лермонтов. Разгорелся ожесточенный бой. У врага до десятка танков в сопровождении пехоты, орудия бьют со стороны Яхромы, а у Лермонтова только 2 орудия. В этом ожесточенном бою лейтенант потерял оба орудия и всех своих бойцов. Враг захватил лишь часть села Перемилово – дальше его не пустили. Рано утром 29 ноября части 29-й и 50-й стрелковых бригад, внезапно перешли в атаку и ворвались на окраину села. Вражеская группировка была разбита и отброшена за канал. Серьезная угроза нависшая над столицей севера, была ликвидирована.

И ведь не велика территория, всего-то несколько сот метров от Перемилова до канала, но это был первый освобожденный клочок родного Подмосковья.

Сил для развития наступления не было, да и удержать Яхромский мост было затруднительно. Командующим Первой ударной армией генерал-лейтенантом Кузнецовым В. И. было принято решение взорвать мост.

Фрагмент панорамы Перемиловской высоты

29 ноября была направлена группа саперов, чтобы взорвать мост. Машина со взрывчаткой была подбита, саперам пришлось ящики со взрывчаткой тащить на себе. Пока добрались до моста 9 из 13 погибли, пока укладывали взрывчатку погибли еще двое. Подожгли шнур, стали отходить – смертельно ранен лейтенант, командовавший операцией. В итоге в живых остался один. Дорогой ценой, но мост был взорван.

В это время работники канала с помощью шлюзов часть воды из канала спустили в реку Яхрому и в Сестру. Подо льдом образовалось безвоздушное пространство, и лед провалился. Потом воду пустили вновь и она доломала остатки льда. Это позволило войскам Первой ударной армии выиграть время, подтянуть силы и подготовиться к решающему наступлению.

6 декабря началось контрнаступление войск Западного фронта

Упорные бои развернулись под Яхромой. Центр города, расположенный на склоне холма, как бы ступеньками поднимался вверх. Враг занял верхние рубежи. На чердаках домов, на колокольне поставили пулеметы. В распоряжении врага были еще танки, достаточно артиллерии. Силы врага превосходили.

Битва за Перемиловскую высоту

На помощь нашим войскам приходило гражданское население. Группе бойцам удалось прорваться к центру города. Но здесь их прижал пулемет с чердака ближайшего здания горсовета. Командиру предложил свою помощь яхромский школьник Коля Васильев: «Дайте мне гранаты, я уничтожу фашистов». И пояснил, что путь ему хорошо знаком, живет рядом. Командир поверил и дал 2 гранаты, объяснив как ими пользоваться. Коля ползком, где перебежками стал продвигаться к зданию испалкома. Коля забрался на чердак и гранатами забросал врага. Пулемет замолчал. Прикрывающий огнем солдат вслед за Колей взобрался на чердак, осмотрел пулемет и развернул его в сторону врага, открыл огонь. Наше наступление развивалось. К 11 декабря территория района была полностью освобождена от захватчиков. Это был перелом в ходе войны. Именно отсюда советские войска под командованием Рокоссовского и Люлюшенко начали победное контрнаступление.

Две недели оккупации (с 25 ноября по 11 декабря) дорого обошлись Дмитровскому району, экономике был нанесен значительный ущерб. Разрушены мосты, вокзалы, предприятия, сожжены сотни домов, целые деревни, как например, *Леоново*, разрушены 9 школ полностью, 27 – частично. Уничтожены и угнаны тысячи голов крупного рогатого скота, домашней птицы.

Из числа гражданского населения *113 человек убиты 231 ранены*. О боевых потерях говорят братские могилы. Их 47 в районе. В одной захоронено 100, 200, в Языкове 670, в Яхrome в одной могиле 600, в другой 800 человек. Тысячи воинов полегли, сражаясь за Родину на нашей дмитровской земле.

Источник

http://www.moidmitrov.ru/About_dmitrov/History/vov.php

Деденево – Морозки – Турист

Памятник в Деденево

Поселок Деденево интенсивно бомбился, в здании школы занятой под военный госпиталь погибло много раненных и местных жителей. Оккупирован не был. В критические 10 дней Битвы за Москву во время боёв за деревню Капорки (шесть раз переходила из рук в руки) на северной окраине Деденево у железнодорожного моста были немцы. Северные скаты высот населённого пункта простреливались стрелковым оружием, и они были местом ожесточённых боев. На территории посёлка есть воинские братские могилы – самая большая находится на изгибе Дмитровского шоссе.

В поселке Деденево весной 1970 года перед жителями поселка и всеми, кто проезжал по Дмитровскому шоссе, открылся во всей красе памятник. Несколько ступенек ведут на широкую площадку, там находится монумент, состоящий из двух частей. Первая часть – Стелла, где на мозаичной гвардейской ленточке изображен орден Отечественной войны. На второй части располагались керамические фотографии погибших, их имена и даты жизни. Было шесть рядов фотографий по 47 в каждом ряду. Всего на монументе увековечены имена 282 земляков. Самое главное – это, конечно, фотографии погибших. Деденевцы вглядывались в их лица, искали своих родных и близких. Сейчас фотографий уже нет, вместо них фамилии земляков.

Образ ваш неизвестен. Подвиг ваш бессмертен

Здесь увековечена память жителей поселка Деденево – жертв бомбежки немецкими фашистами военного госпиталя 5.12.1941.

Рассказ – исследование Ю. М. Елохиной

Братская могила на шоссе у д. Парамоново

У нас в восточном Подмоскowie, откуда я родом, боёв в Великую Отечественную не было. Но были вражеские налёты – немцы бомбили некоторые населённые пункты и леса, готовясь к дальнейшему продвижению по кольцу вокруг Москвы и опасаясь формирования партизан-

ских отрядов. Были и многочисленные госпитали – на восток Подмосковья увозили раненых солдат с северных и южных огневых рубежей. Поэтому у нас также есть братские могилы, где во множестве похоронены скончавшиеся от ран солдаты.

Но все эти братские могилы преимущественно расположены на кладбищах, в специальных мемориалах, словом, в местах, что у всех на виду, а здесь, на Дмитровской земле большинство их – в лесу и в чистом поле. Здесь шли тяжёлые кровопролитные бои в жесточайших погодных и военно-полевых условиях, когда у любой другой армии мира шансов выжить, а тем более сохранить боевой дух и победить практически не было. Героизм в нашей армии, состоявшей, в отличие от германской, во многом не из кадровых военных, был массовым. Массовыми были и потери. И при этом, привыкнув к этой массовости, к тому, что павшие в той войне исчисляются миллионами, мы, ныне живущие, редко ловим себя на мысли, что каждый павший на поле боя воин – это одна реально существовавшая и трагически оборвавшаяся жизнь.

Не так давно мне посчастливилось держать в руках хранящуюся в Деденевской библиотеке Книгу Памяти посёлка. То, что в ней собрано, производит неизгладимое впечатление. Деденевская Книга Памяти – это не только перечень воевавших на фронтах Великой Отечественной уроженцев нашего края, но и их подлинные фронтовые письма и фотографии, воспоминания ветеранов, рассказы о погибших здесь в войну мирных жителях. Всё это в 1960-х тщательно собиралось для потомков одним из местных энтузиастов, упомянутым в эпитафии – Иваном Елиферовичем Соиным – инициатором возведения Деденевского мемориала и во многом его автором; фронтовиком, который, по прошествии всего двух десятков лет после самой страшной войны столетия, понял, как быстро реальная история может превратиться в миф.

«Воины советской армии и флота в 1941—1945 годах не только отстояли свою Родину от немецко-фашистского порабощения, но и спасли всё человечество и мировую цивилизацию от катастрофы», – звучат первые строки его рукописи о Деденевском мемориале, но, по сути, послания нам, живущим в XXI веке. – «В первые годы после войны многие из нас старались как-то забыть своё горе, а вместе с тем стали забывать даже погибших родных. Это уже нехорошо и несправедливо. Увековечение памяти павших на фронтах Великой Отечественной войны – дело очень важное. Вместе с тем, оно становится с каждым годом всё труднее... Всё меньше остаётся людей, лично знавших своих погибших, притупляется их память... Ведь пройдёт еще 15—20 лет, и сделать что-либо будет уже невозможно».

Насколько справедливо звучат его слова сегодня, когда уже большинству так называемых «детей войны» уже за восемьдесят.

А вот и красноречивый образ современной народной памяти и символ благодарности защитникам нашей земли.

Знамя Победы над Рейхстагом

Года три назад по осени еду со своей знакомой в деревню Горки. Проезжаем внушительные строения новой санно-бобслейной трассы в Парамонове, на фоне которых промелькнул серый обелиск в виде солдатской фигуры в зарослях пожелтевшего борщевика. Возвращаемся к обелиску, стираем слой дорожной пыли с надгробия, убираем во множестве упавшие сверху берёзовые ветки и листья, сухие цветы с 9 мая, читаем надписи: «Вечная Слава воинам 71 морской стрелковой бригады Тихоокеанского флота, погибшим в боях за г. Москву в декабре 1941 года» и перечень 16 солдатских фамилий. И точно, памятник обнесён якорной цепью, на заросшей бурьяном могиле – выкрашенный чёрной краской якорь. Резануло сердце не только то обстоятельство, что братская могила не ухожена – она ещё и захламлена пустыми бутылками и прочими свидетельствами того, что «здесь был Вася». И всё это благодаря, как видно, стоящей рядом скамейке, кем-то заботливо поставленной здесь явно для других целей.

А ведь война была не так давно, с момента её начала и ста лет не прошло. До сих пор отзывается эхо Великой Отечественной в нашем времени, а кто-то, в свете происходящих сейчас событий вокруг России, не без оснований считает, что война всё ещё не окончена.

Так или иначе, в тот день решили мы привести памятник в Парамонове в порядок, нашли сочувствующих помощников.

Но, помимо этого, посетила меня тогда мысль, узнать, что за люди прошли здесь 74 года назад, освободили наш край от фашистов зимой 1941 года и нашли здесь своё последнее пристанище. Благо, на надгробной плите высечены не только фамилии героев, но и имена, отчества, звания.

Сейчас во всемирной сети есть много поисковых баз, по которым можно разыскивать информацию о погибших и пропавших без вести фронтовиках и их подвигах, и крупнейшая из них «Мемориал». Пробиваю в «Мемориале» имена всех 16 солдат. Выясняется, что в захоронении солдаты, как минимум, из четырёх соединений, входивших в состав 1 Ударной армии, памятник которой возвышается ныне на Перемиловской высоте. Непосредственно в Деденеве находились 44 и 47 отдельные стрелковые бригады, а в ближайших населённых пунктах – 56 и 71 отдельные стрелковые бригады. Все они в срочном порядке прибыли к нам из Сибири, с Урала и Дальнего Востока— Красноярска, Новосибирска, Челябинска, Владивостока...

На фронт

«Железная дорога работала тогда на два потока, – вспоминал один из участников битвы за Москву, прибывший в конце ноября 1941 года с Алтая на Дмитровский вокзал в составе солдатского эшелона, – эвакуация же шла – война. Линия, которая шла от Москвы к Оренбургу, пропускала поезда только на восток. А станция Илецкая Защита через Саратов – только на запад. Чтобы не было встречных... Впритык шли эшелоны – один за другим... Поезда шли с двойной тягой: впереди один паровоз и сзади другой – подталкивает. И жали,

что могли. Под Москвой нас начали бомбить, но какой там останавливаться! Эшелон по 2—3 часа непрерывно шёл на полном ходу, скорее в Москву, чтобы занять позиции. Ведь сразу снимали и с Дальнего Востока части».

Примечательно, кстати, и то, что те солдатские эшелоны очень часто шли через Софрино и Сергиев Посад – владения великого Печальника земли Русской, преподобного Сергия Радонежского, благословившего некогда на битву с Мамаем двух иноков из Лавры и предрекшего князю Димитрию победу: «Победишь врагов своих!» Не может быть, чтобы в 1941-м обошёл Преподобный своим благословением на тяжкий и доблестный ратный подвиг за родную землю наших воинов.

Как не думать о Промысле о нашем отечестве, когда осенью 1941 года, с её нагрянувшими тогда на Подмоскovie поистине зимними холодами, сюда на защиту пришли привыкшие, в отличие от неприятеля, к русским морозам сибиряки и к суровой непогоде краснофлотцы.

47-я отдельная (курсantская) стрелковая бригада

В середине октября 1941 года военные донесения о боевых действиях в Подмоскovie фиксировали серьёзную распутицу: непролазную грязь и первый снег. В последних числах октября наступление немецко-фашистских захватчиков остановилось у рубежей Москвы. В итоге, к началу ноября в полукольце вокруг Москвы наступило кратковременное затишье, но к середине месяца, когда подморозило, и у транспорта и пехоты появилась возможность перемещаться по местности вне зависимости от наличия дорог, наступление немцев возобновилось. Война пришла на территорию Дмитровского района: часть его стала фронтом, часть – ближайшим тылом. По дорогам к фронту потянулись колонны солдат, техники и гужевых повозок, а навстречу им шли машины с ранеными.

Битва за Москву, декабрь, 1941 г

Пользуясь неприкрытыми стыками между нашими частями, гитлеровцы совершили один из опаснейших прорывов к Москве – захват города Яхромы – с целью овладения Яхромскими мостами (основным и железнодорожным) через канал им. Москвы. Так фашисты ещё на шаг приблизились к осуществлению плана Вермахта окружить Москву с севера. Ещё более реальной стала возможность скорого наступления вражеских сил на Дмитров, а затем на тогдашний Загорск и далее на Ногинск и Орехово-Зуево. Командующий немецко-фашистской группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал фон Бок сделал заявление, что в распоряжении советского командования нет больше никаких резервов, и оборона на северном участке Москвы находится «на грани своего кризиса». Гитлер же высказался, что война для него «в целом выиг-

рана». Новый 1942 год должен был ознаменоваться для гитлеровской армии окончательным захватом Москвы.

На дмитровском направлении действовали 1, 6 и 7 танковые, 14 и 36 моторизованные, а также 23 Потсдамская пехотная дивизии противника. Последняя из них продвигалась вглубь Подмосковья особенно успешно, ведь она принадлежала к так называемым «пехотным дивизиям первой волны» и являлась кадровой дивизией германской армии мирного времени. Кадровые дивизии представляли собой лучшие пехотные соединения из-за качества подготовки личного состава и материально-технического обеспечения. Их командный состав обладал высокой профессиональной подготовкой и отличался слаженностью действий. В составе такой пехотной дивизии числилось порядка 17 700 человек.

Битва за Москву. Декабрь 1941 года.

Тем временем, Рогачёвская группа наших войск после тяжелейших оборонительных боёв отходила под натиском превосходящих сил немцев на восток и юго-восток. На дмитровском направлении остатки 8 танковой бригады, 58 танковой и 107 мотострелковой дивизий вели ожесточённые бои с противником. Кроме того, в районе деревень Каменка-Сокольниково в окружение попал генерал-майор Ф. Д. Захаров с соединениями 16 армии, направленный сдерживать продвижение гитлеровских войск в сторону Дмитрова.

К ноябрю того же 1941-го Генштабом РККА 124 стрелковые дивизии списываются со счетов, как утерянные в бою. Необходимо было срочно создавать новые соединения, пусть даже с меньшим штатом. Такими усечёнными по боевым возможностям воинскими формированиями стали стрелковые бригады. На конец осени-начало зимы 1941 года стрелковая бригада по штату включала в себя от 1500 (в 55 ОСБР) до 4500 (в 71 ОСБР) бойцов и командиров.

23 ноября 1941 года в Дмитров приехал только что назначенный командующим 1 Ударной армией генерал-лейтенант Василий Иванович Кузнецов. Его армия пока существовала только на бумаге, части же её находились в эшелонах, следовавших в Дмитровском направлении из разных концов Советского Союза.

Командарм В. И. Кузнецов

Самой первой из бригад в район Деденева прибыла 47 отдельная (курсантская) стрелковая бригада, сформированная в октябре 1941 года в Челябинской области преимущественно из уральцев. Это были курсанты военных училищ и полковых школ, не успевшие окончить курс обучения, а также выздоравливающие после ранения бойцы. Возраст военнослужащих

колебался от 18 до 38 лет. Командиром 47 ОСБР был назначен полковник Лысенков Сергей Николаевич.

По окончании формирования бригада железнодорожным транспортом была отправлена на защиту Москвы защищать Москву. 27 ноября 1941 года 47 ОСБР пешим порядком от станции Лихоборы Московской окружной железной дороги направилась по Дмитровскому шоссе в направлении на город Яхрома.

В одну из последних ноябрьских ночей, 47 стрелковая бригада, при содействии Икшанского партизанского отряда под командованием В. А. Дробышеского, перешла канал им. Москвы в районе Деденева. Здесь она заняла плацдарм для переправы на западный берег основных сил, предназначавшихся для наступления: около 4 км вдоль канала и до 3 км на запад вглубь населённых пунктов (от берега канала до Шуколово на юге и от берега канала до Больших Муханок с севера). Следом канал перешли 44, 56, 71 отдельные стрелковые бригады, 701 артиллерийский полк и части 55 отдельной стрелковой бригады.

Тогда же от немецких авианалётов 47 стрелковая бригада понесла свои первые потери.

Вспоминает жительница села Шуколово Антонина Тимофеевна Белозёрова: *«Напротив нашего дома в Шуколове была медсанчасть. Работал там врач-мужчина и две девушки. Случалось, что приходили обогреться и наши разведчики. Хозяйка того дома, что отдала для размещения раненых, были старые муж и жена, одинокие и очень сварливые. Они были очень недовольны, что их потеснили. Однажды хозяйка дома-„медсанчасти“ приходит к нам, жалуется на своих „гостей“ и признаётся, что не дала им одеяла завесить окна на ночь. А раненым же нужен постоянный уход, а как без света? Темнело быстро. И вдруг слышим – летит самолёт со стороны Новлянок, тяжело гудит. У нас за участком было вырыто бомбоубежище, покрытое огромными, толстыми брёвнами. Мы туда спрятались, а сами слышим – сбрасывает бомбы. Сколько-то сбросил ниже кладбища на спуске – там накануне, в ожидании прихода немцев, вырубали для обзора кустарник и складывали его в кучи рядами – так вот он по этим кучам прошёлся. Ещё одну – точно в медсанчасть, поскольку там свет горел, одну к нам во двор (эта огромная бомба не взорвалась, её потом в 1943 году солдаты у нас вывезли), одну на крышу нашего дома и одну на бомбоубежище. А у нас там много народу сидело. Как-то это бомбоубежище немцы вычислили. Помню, взрослые тогда говорили, что у нас в Шуколове немецкая разведка была, а потом в домах возле реки Икшанка внизу шуколовского холма накрыли группу немецких агентов, которые жили там несколько лет. Так вот, бомба, что прилетела на крышу, скатилась и рванула рядом с домом. А на бомбоубежище бомба срекошетилась, отлетела в сторону и там взорвалась. В это время мама у нас молилась перед Казанской иконой, и мы тоже молились, плакали. Когда же налёт закончился и соседи помогли нам выбраться из бомбоубежища, мы увидели, что на месте соседского дома, где была медсанчасть, остались одни стены. Кого из солдат наши шуколовские нашли – похоронили в братскую могилу на выезде из села слева, напротив кладбища. Потом это захоронение перенесли в Деденево на станцию. Мы ходили до Деденева солдатиков провожать».*

Командование 1 Ударной армии

Войсками 1 Ударной армии был получен приказ командующего Западным фронтом: 2 декабря нанести удар левым флангом в направлении «посёлок Деденево-деревня Фёдоровка Дмитровского района», освободить группу генерала Захарова и начать наступательные действия на город Клин, где находилась клинско-солнечногорская группировка войск противника. Для выполнения поставленной задачи были привлечены 47, 44, 56 и 71 отдельные стрелковые бригады, которые за оставшееся до наступления время стали занимать свои исходные позиции и готовиться к боевым действиям. 47 ОСБР была поставлена в резерв командующего 1 Ударной армией В. И. Кузнецова в район деревни Подосинки.

Начались ожесточённые бои.

Из-за упорного сопротивления противника, использовавшего при отступлении инженерные заграждения – заминированные дороги, взорванные мосты и сожжённые населённые пункты – продвижение войск 1 Ударной армии не превышало 6—8 км в сутки. Этому также способствовало удручающее состояние связи между подразделениями, острая нехватка артиллерийских орудий, танков и самолётов, проблемы с автотранспортом, конным составом, а также неотлаженная работа тыловых служб.

Командование Западным Фронтом было недовольно медленным продвижением частей 1 Ударной армии. Генерал армии Г. К. Жуков ставил задачу быстрее выдвинуться к Сенежскому озеру и шоссе Клин-Солнечногорск.

При этом, конечно, не стоит забывать, что 1 Ударная армия двигалась в основном на конной тяге, солдаты же, вообще, шли пешком в условиях бездорожья по глубокому снегу и лесам в сильные морозы. Кроме того, самым страшным, по воспоминаниям ветеранов, было моральное и физическое истощение людей, идущих в первых рядах наступающих войск. Горячее питание доставлялось редко, потому что службы тыла постоянно отставали от боевых подразделений. Подвоз продуктов и боеприпасов затруднялся снежными заносами. Как правило, солдатам выдавался сухой паёк на сутки, состоявший из консервов, сухарей, сахара и «фронтowych 100 грамм». *«Во время наступления горячая пища подавалась с перебоями до 4—6 дней, — отмечали впоследствии некоторые ветераны — участники битвы за Москву. — Приходилось делиться сухарями с соседними частями и наоборот. Но мы постоянно наступали, и найти нас иногда было трудно...».*

Битва за Москву, декабрь 1941 г

Вспоминает жительница посёлка Деденево Антонина Фёдоровна Тягачёва: *«В войну я жила с мамой в Батюшкове. Когда к нашим деревням и сёлам приблизилась линия фронта, стали прибывать сюда и наши солдатики. Стояло их тут какое-то невероятное количество, и большинство – голодные и замёрзшие. Бывало, мама запустит их полон дом, наварит картошки целый чугунок и раздаёт им по две картошины. Большие дать было нечего. А солдаты, пока варилась картошка, к печке подкладывали свои брикеты с комбизиром из сухого пайка, чтобы размягчить. Потом картошку с этим жиром смешивали, и так одна партия солдат питалась. Эту отогреем, покормим, выпроводим, а там на подходе следующая партия: „Мать, дай нам поесть“... Мама и их запускает. Жалко их очень было. Потом кто-нибудь из них подойдёт за добавкой, а мама горько так говорит ему: „Сынок, прости, я тебя уже кормила“. И тот уходит ни с чем... А как-то один солдат достал из кармана блокнот и карандаш – наверное, держал для писем, – и отдал моему брату со словами: „Возьми, парень, мне это не пригодится. Я знаю, что я здесь погибну“... Но был у нас в Батюшкове и сам командир Кузнецов. Помню его строгим, подтянутым. И помню его слова: „Потерпите, товарищи. Совсем скоро немцев здесь не будет“. Что ж, так оно и произошло – немцев отсюда выгнали быстро».*

5 декабря штаб 1 Ударной армии получил приказ начать контрнаступление в ходе Клинско-Солнечногорской наступательной операции. Армия в это время вела тяжёлые бои по всей линии фронта, поэтому утром 6 декабря 47 стрелковая бригада была выведена из резерва в деревне Подосинки и выступила в направлении город Яхрома-деревня Фёдоровка. Впереди бригаду ждали не только боевые успехи, но и тяжелейшие потери в личном составе, исчислявшиеся сотнями убитых.

К середине декабря 1941 года наши войска заняли районы с севера и юга от Клина, перерезали врагу путь к отступлению из города, а подошедшая в район Клина 47 стрелковая бригада окончательно замкнула кольцо вокруг него и находящихся в городе немецких частей. Это был первый с начала Великой Отечественной случай окружения вражеских войск.

Поначалу ощутить и подсчитать потери врага было сложно. Есть много рассказов наших солдат о слаженной работе различных подразделений гитлеровской армии, в том числе спецкоманд по устрашению – психологической войне. Особенно частые примеры их деяний были в начале войны, когда против Красной Армии сражался самый отборный немецкий личный состав, и те не оставляли при отступлении не только технику, но даже своих убитых.

Битва за Москву, декабрь, 1941 г

Вспоминает А. Рогачёв, 18-летний пулемётчик 47 ОСБР: «А то берём-берём деревню, бьём-бьём. Возьмём её, а убитых немцев вроде и нет. Ну, может, лежат 30—40 убитыми, а у нас человек 700. У наших бойцов и командиров такой вопрос: „Что же это такое? Мы потери несём, а немцы вроде и нет“. Говорили, что они убитых забирали и потом хоронили... Они очень умело воевали. У них армия была с опытом боёв, закалкой, квалифицированная. Немцы умело ориентировались, выбирали позиции. Ну и пулемёт МГ-34 – оружие страшное... У нас рота наступает, а у них отделение одним пулемётом её сдерживает. Огонь сплошной, ливень. Несём потери, вперёд-вперёд, но пока их не уничтожим – не продвинемся. У них в случае чего – машины наготове. Они гарнизон в машину сажают и – в следующую деревню за 3—10 км. А она у них опять укреплена. Немцы зимой в открытом поле не воевали, у них там блиндажи, окопчики. А мы посим в лесу и опять в атаку по голому полю, по снегу. Вот так, от деревни до деревни всё время своими ножками... А бои в Подмоскowie – тяжёлые. Снег глубокий, мороз. Наступаем на село – оно, как правило, на возвышенности – после слабенькой артиллерийской подготовки. Командир взвода командует: „Справа, по одному перебежками, марш!“ Какие перебежки?! Снег! Идём, пули свистят. Пройдёшь метров 6, ложишься, выбираешь себе такое более-менее удобное укрытие, ведёшь огонь. Ждём когда остальные подтянутся. Подтягиваются, а до немца ещё метров 500. Пока метров 200 пройдем – во взводе народу-то осталось 15—20 человек. Неудачная атака. Что делать? Командир решает отойти назад. Отходим под огнём. Когда смотришь на наши потери – а там свободного места от трупов на поле не было: они, как снопы, лежат, горами, между которыми небольшие промежутки – думаешь: „Долго ли такая битва будет идти? Почему из-за этой Богом забытой деревни столько людей положили, а никак не можем взять? Возьмём мы её или нет?“ Сидим все в пороховой гари, обожжённые, смотрим друг на друга, и мысль такая: „Пусть убьют. Только бы руку, ногу не оторвало. Убило бы, и всё“. Вечером приходят роты с марша, то молодые приходят, то пожилые. Они все спрашивают: „Как там, ребята?“ Что спрашивать? Пойдём в атаку, узнаешь, как там. Ему, может 35—40 лет, а нам по 18—19, но они смотрят на нас с почтением. Днём в две-три атаки сходим, и от этого пополнения никого не осталось. Вечером опять приходит маршевая рота, опять взвод пополняют до штатной численности. А мы, костяк взвода, так и воюем...»

На марше

Этим воспоминаниям вторит другой участник боёв под Москвой из состава 1-й Ударной армии, старший сержант Григорий Х.: *«Берёшь-берёшь деревню, теряешь товарищей, но обнаруживаешь, что трупов врага нет. Они как будто не погибают. А перед отступлением, как правило, деревня сжигалась, а кто из жителей мешал – убивали на месте. Застаёшь сожжённые дома, кругом трупы местных жителей и наших солдат, а трупов немцев нет... Более того, по возможности затруднялся доступ к источникам воды: бывало немцы колодцы набивали трупами местных жителей или своих же солдат. Если оставались целыми один-два дома, то сто процентов пристрелянные ориентиры. Проверено на кровавом опыте бригады. Через час-два с прямыми попаданиями – 2—3 снаряда – дома перестают существовать вместе с успевшими разместиться в них нашими войсками. И жди скорой контратаки с минимальной поддержкой... А после, начиная с боёв за деревню Каменка, немцы стали очень часто минировать оставленные целыми дома. То есть – хочешь выжить – занимай разваленный участок с погребом... Пополнение приходило иногда перед каждым крупным боем. Но люди были совсем необученные, не знали даже, как винтовку держать. Держали, как палку. Старые бойцы их в поле или где можно выводили, давали в руки сначала палки и учили ложиться в снег, вставать, передвигаться, окопываться. Но, всё равно, после боя за деревню смотришь, а их уже нет. Трудно всё это. Жалко».*

Продолжая повествование о 47 отдельной стрелковой бригаде, стоит отметить, что после овладения Клином она участвовала в героических боях на реке Лама, прорыве обороны противника в посёлке Лотошино, освобождении десятков других селений, пройдя с боями по Подмосковию более 150 км. В феврале 1942 года после победы под Москвой бригаду перебросили на Северо-Западный фронт. Здесь они вели оборонительные бои до весны 1943 года. В марте в районе озера Ильмень и города Старая Русса на базе этой и другой курсантской бригады сибиряков-добровольцев из города Новосибирска – 146 отдельной стрелковой бригады – была развернута 70 стрелковая дивизия.

Битва за Москву. Декабрь 1941 года.

Благодаря поисковой базе «Мемориал» мне удалось восстановить имена некоторых бойцов и двух девушек из медперсонала 47 отдельной стрелковой бригады, погибших в селе Шуколово. Сейчас они погребены в мемориальном комплексе посёлка Деденево:

– лейтенант Шаркин (Шуркин) Анатолий Евгеньевич 1921 г.р. (20 лет) из Челябинской области;

– лейтенант Баранов Пётр Иванович 1919 г.р. (22 года) из Краснодарского края;

– младший лейтенант Крюков Александр Павлович из Челябинской области;

– военфельдшер Акимова Зоя Васильевна 1922 г.р. (19 лет) из Ярославской области;

– военфельдшер Ильичёва Ульяна Андреевна 1917 г.р. (24 года) из г. Дзержинск;

– красноармеец Зотов Иван Михайлович из Челябинской области;

– красноармеец Ковязин Леонид Пантелеевич 1922 г.р. (19 лет) из Челябинской области;

– красноармеец Хамуллин (Хамулин) Салих Набиевич 1922 г.р. (19 лет) из Башкирской АССР.

Также на плите с именами захороненных числится, но фактически там не погребён командир 3 батальона 47 ОСБР – капитан Черкасов Анатолий Гаврилович 1908 года рождения из г. Свердловск (Екатеринбург). Комбат Черкасов погиб при авианалёте во время нахождения его батальона в районе деревни Пчёлки ранее Дмитровского, а сейчас Мытищенского района, и там же находится его могила, обнаруженная некоторое время назад поисковым отрядом «Рубеж Славы». В настоящее время Администрацией нашего посёлка решается вопрос о переносе могилы комбата Черкасова в Деденевский мемориал.

44-я отдельная стрелковая бригада

4 декабря 1941 года восемнадцатилетней Тане Румянцевой пришлось отлучиться из Деденева в сельсовет деревни Парамоново. Пока управилась с делами – быстро стемнело, уличного освещения не было, местность лесистая, есть вероятность встретить вражеских солдат. Пришлось заночевать прямо в сельсовете.

Привал

Той же ночью в Парамоново ворвались три немецкие машины, нашли в домах и расстреляли нескольких наших солдат, а также стариков, которые поселили тех солдат у себя.

Утром Татьяна хотела вернуться в родное Деденево, но едва вышла на улицу – попала под обстрел. Побежала в сторону оврага, чтобы укрыться за крутым склоном, а отъезжающие на машинах немцы стреляли ей вслед.

Но – обошлось.

В овраге Таня увидела много наших солдат, лежавших на снегу. Некоторые из них, к счастью, были живы, но имели ранения. Таня приблизилась к ним, сказала, что в Деденеве есть госпиталь, однако добираться до него около пяти километров. Тогда раненые, что ещё могли идти, сделали себе из толстых веток костыли, а из подручных средств соорудили носилки – для своих боевых товарищей, что подняться уже не могли. Дороги солдаты не знали, и Таня их повела.

Когда пришедших с поля боя раненых разместили, Таня осталась в госпитале и трудилась вместе с санитарками, не покладая рук, всю ночь.

А утром шесть вражеских самолётов совершили налёт на Деденево и разбомбили деденевский госпиталь.

В то время в Деденеве находились части 44 отдельной стрелковой бригады, что была сформирована в октябре 1941 года в Красноярске в основном из курсантов военных училищ. Бригада считалась одной из наиболее боеспособных подразделений Сибирского военного округа, поэтому на её боевую подготовку был предусмотрен всего один месяц, после чего, 27 ноября 1941 года, бригада полным составом прибыла на Западный фронт, где вошла в состав 1 Ударной армии. В зданиях деденевской больницы и дома инвалидов разместилась медсанрота 44 ОСБР.

Здесь же, в Деденеве, 4 декабря 1941 года состоялось первое «боевое крещение» бригады, когда её появление обнаружили немецко-фашистские оккупанты и предприняли авиационный налет. Осколками бомб несколько бойцов было убито и ранено.

«Сестрички»

На начало декабря 1941 года пришлись упорные бои 44 и 71 стрелковых бригад за деревню Степаново и село Языково. Оттуда во множестве поступали раненые. На помощь военным медикам пришёл весь медперсонал деденевской больницы и дома инвалидов, хотя каждый из них имел полное право эвакуироваться.

5 декабря 1941 года и случилась та бесчеловечная бомбёжка госпиталя, о которой до сих пор со слезами вспоминают старшие деденевцы. Тогда погибли и раненые, и медики, и многие из укрывшихся в подвале местных жителей вместе с детьми.

Вспоминает житель посёлка Деденево Дмитрий Сергеевич Гливенко: *«Наши посёлок зимой 41-го бомбили не единожды. Первый раз сбросили 4 бомбы. Они упали так: одна у железной дороги, а остальные в районе старой деденевской школы, она тогда была ещё деревянная и находилась возле круглого пруда. В войну в ней было что-то вроде штаба, там постоянно находились военные и полевая кухня. А госпиталь, точнее эвакогоспиталь, был в нынешней поликлинике. Он пострадал во второй заход бомбардировщика. Коек в госпитале не хватало, раненые лежали на сене. Когда бомба упала (видимо, зажигательная, так как взорвалась на втором этаже), там всё вспыхнуло, часть здания обрушилась, люди выпрыгивали из окон второго этажа, а на улице к тому же – сильный мороз. Семёну Абрамову, который сидел в это время в подвале с семьёй, удалось проломить в стене дыру, через которую с нижнего этажа вытаскивали людей. У нашего дома взрывной волной выбило все окна. Меня в доме отбросило к стенке, оглушило, осколком ранило в ногу до кости. Одного красноармейца, находившегося поблизости, его фамилия была Левченко, осколком убило. Потом возле госпиталя рядами клали убитых, накрытых серыми одеялами. Их там было очень много».*

Таня Румянцева чудом осталась жива. Её взору открылись дымящиеся руины больницы, смешанные с землёй, и лежащие на чёрном снегу солдаты в окровавленной одежде. Таня бросилась помогать собирать и откапывать живых. Вскоре девушка заметила приближающиеся сани с одной лошадёнкой, решительно остановила их, настойчиво попросила возницу помочь погрузить в сани раненых и отвезти их в Кузьево. Так же остановили, нагрузили ранеными и отправили в Кузьево ещё две повозки. С последней из них Таня поехала в Кузьево и сама. Там продолжила спасать жизни наших ребят, забыв про сон и голод. Когда за ней приехала мать, чтобы увезти дочь домой, сделать это ей запретил командир, сообщив, что Татьяна зачислена санитаркой в 1 Ударную армию и поставлена на довольствие. Уход домой при таких условиях будет считаться дезертирством. Так Румянцева Татьяна Сергеевна попала в 44 ОСБР и прошла в её медсанроте всю войну.

Медперсонал 71 морской стрелковой бригады

Вспоминает Дмитрий Сергеевич Гливенко: *«Кто-то уезжал отсюда после бомбёжек, прежде всего, конечно, кому жить теперь было негде. Моя семья осталась. Меня воспитывала бабушка, жена репрессированного священника, и одна моя родственница – Зоя Дмитриевна Галкина – учительница. А Деденево наше бомбили после того, как здесь побывала немецкая разведка, и я тому свидетель. Было это так. Часто на Москву шли немецкие бомбардировщики, буквально тучами, особенно по ночам. Гул в небе стоял страшный. Мы, как загудит, бежали в бомбоубежище, оно было за школой. Вглубь земли шли три ступени, верх – сложен из брёвен и всё засыпано сверху землёй, а форму имело буквы „Г“. На входе сидели местные жители, а там в глубине, за изгибом, находились тяжелораненые. Они стонали, кто-то умирал в нашем присутствии, и их мимо нас выносили санитары. И вот, однажды, заходят в бомбоубежище трое в солдатской форме, в нашей – советской. У двоих были автоматы, у третьего пистолет. И этот третий – с русской внешностью, я бы даже сказал, с внешностью интеллигента – на чистом русском стал что-то спрашивать у местных. Потом он заговорил с теми двумя солдатами, что вошли с ним вместе, тоже на русском. Один-то всё молчал, всё на нас поглядывал да на санитарку, которая от них отвернулась, а второй ему отвечал с заметным акцентом. Зоя Дмитриевна была по образованию блестящий лингвист, она тут же нам тихо сказала: „Это немцы“. И вдруг, кто-то из раненых в глубине бомбоубежища стал стонать. Те трое ещё постояли-постояли и ушли. После этого Деденево стали бомбить... Спустя какое-то время до нас дошла весть, что где-то в наших краях накрыли группу немецких разведчиков, их было около двадцати человек».*

К тому времени, по приказу Ставки уже были взорваны башни управления каналом Москва-Волга на третьем (с каравеллами) и четвёртом шлюзах, от Яхромы до Деденева уничтожались один за другим мосты. Затем инженеры канала, путём управления уровнем нескольких водохранилищ, организовали затопление областей на западном берегу. От Яхромского водохранилища был создан ледовый заслон шириной до двух и протяжённостью свыше шестидесяти километров из хаотично нагромождённых льдин – торосов – с пустотами. Путь на восточный берег по земле был отрезан.

На канале была устроена подвесная люлька. В ней, до отказа набитой людьми, эвакуировали на восток Подмосковья детей, женщин и раненых. По словам очевидца, люлька была так перегружена и так сильно раскачивалась при перемещении, что, казалось, вот-вот оборвётся и рухнет вместе с живым грузом в ледяной канал.

Дмитровский мост после подрыва. Декабрь 1941 года

В Деденеве же оборонительный рубеж начинался от Яхромского железнодорожного моста. Строили его сапёры Западного фронта, к которым был зачислен после мобилизации наш земляк И. Е. Соин. Именно ему были поручены организация и руководство строительством деденевского рубежа. В помощь сапёрам был создан рабочий батальон фабрики в следующем составе: 100 человек рабочих и 200 человек из колхозников, работников школы и старшекласников, а также прочих жителей посёлка. Под руководством И. Е. Соина был вырыт противотанковый ров, окопы, у станции устроены ДОТы, а за рекой Икшанка – проволочное заграждение в шесть рядов, на переездах выставлены противотанковые «ежи», в посёлке оборудованы две орудийные точки для артиллерии, укрытие для «Катюш», землянка для командного пункта. За фабрикой и вдоль Икшанки были сделаны лесные завалы. Убирали деревья и кустарник для лучшего обзора. В тёмное время суток в посёлке дежурили народные дружины, следившие за соблюдением жителями светомаскировки.

Вспоминает жительница Деденева Маргарита Дмитриевна Мурашкина: *«Наш дом в Деденеве стоял прямо напротив железной дороги и станции. Станция в войну была не там, где сейчас, а южнее, в районе переезда. Нам, как на ладони, были видны платформы с зенитками – наши охраняли железнодорожное полотно в целостности от немцев. Это сейчас путей осталось всего два, а раньше их было несколько. И ещё напротив нашего дома был связной пункт, где держалась связь с Москвой и Дмитровым. Тогда же возле станции стояло много трофейных подбитых немецких танков на переплавку и какое-то огромное артиллерийское орудие, из которого немцы, видимо, собирались палить по Москве, и в ствол которого пролезали местные мальчишки. А снаряды солдаты из связного пункта носили храниться в подвал нашего дома. От нас было видно, как горит Яхрома».*

Дмитров. Ноябрь-декабрь, 1941 г

«В Деденеве военные стояли долго, – вспоминает Дмитрий Сергеевич Гливенко. – Штаб их частично был разрушен бомбой, поэтому его, скорее всего куда-то перевели, а остались оружейная мастерская и военный склад с полевой кухней. Оружейным мастером там оставили раненого в ногу солдата, мы его звали дядя Вася. В одной из воронок он устроил пункт пристрелки, где правил сбившиеся прицелы, а я помогал ему таскать туда оружие. В другую воронку хоронили гражданских из дома инвалидов, потом их перенесли оттуда. У нас неподалёку было овощехранилище, поэтому зимой 1941-го и весной 1942-го года мы питались замёрзшей там картошкой, как, впрочем, и многие деденевские. Приходили туда и ломом откалывали себе „кусоч“ смёрзшейся картошки. А в монастыре устроили мельницу прямо в церкви, и, если была пшеница, возили туда молот. Наверху монастырской столовой стояли две зенитки, и, как помню, обслуживали их девушки. Война-войной, а девушки эти по вечерам устраивали для нас выступления с песнями и плясками. Мы ходили смотреть с удовольствием. А за больницей соорудили вольер и свозили туда собак. Всяких разных. И ещё там же стоял старый танк. Собак учили залезать под этот танк. В бою такая собака с привязанной к спине миной бросается под танк – и танка нет, и собаки, конечно, тоже... Ещё их учили возить такие саночки, как лодочка, чтобы вытаскивать раненых с поля боя. Собак обучали самостоятельно распознать раненого и помочь ему заползти в санки. Мы ходили к этим собакам, гладили, они были очень дружелюбные. Их всех потом увезли на фронт...»

Фашисты, однако, не собирались покидать Яхромский рубеж, закрепившись ещё во время прорыва к городу в нескольких близлежащих к деревням. Деревня Степаново, обороняемая батальоном противника, усиленным 20 танками и большим количеством артиллерии, была превращена в сильный узел сопротивления с круговой обороной. Жителей Степанова немцы выселили из домов, крайние избы приспособили под ДЗОТы, выпилив в стенах амбразуры для пулемётов, между домами вкопали танки. Периодически на нашу передовую вылетали от 3 до 6 вражеских бомбардировщиков. Эти же самолёты сбрасывали красноармейцам листовки, в которых агитировали переходить на сторону гитлеровцев или причинять себе физический вред, чтобы сохранить жизнь. Такая листовка сразу содержала пропуск, служивший удостоверением для перехода к немцам.

Деревня Степаново, декабрь, 1941 г

44 отдельной стрелковой бригадой был получен боевой приказ освободить Степаново от фашистов и выйти к Яхроме с юго-запада.

Так начался самый первый жестокий бой сибиряков-красноярцев на нашей земле. *«Немцы били из миномётов около пяти дней, – пересказывал те события сержант 44 ОСБР Зиновьев Константин Георгиевич. – Мы безуспешно атаквали вражеские укрепления. Нас бьют, а мы вперёд с винтовкой и пятнадцатью патронами на брата. Голову невозможно было поднять ни днём, ни ночью – немцы запускали осветительные ракеты на парашютах, да ещё был снег – видимость отличная. Лишь утром на помощь пришла артиллерия, и нам удалось занять деревню. Потери были большие: из трёх батальонов, в каждом из которых по три роты, осталось около двухсот человек – одна рота. Оглушительный грохот до сих пор стоит в ушах...»*

Вспоминает жительница Деденева Ирина Михайловна Сперанская: *«Когда наши солдаты стояли в Деденева, покидать пределы посёлка они нам не разрешали – опасались, что кого-то из жителей могут встретить немецкие разведчики. В переулке от Почтовой улицы, где сейчас стоит здание Администрации, было устроено маленькое самодельное бомбоубежище. Мы с мамой переселились из нашего дома поближе к нему, а бабушка отказалась покидать дом и осталась в нём одна. Мы, время от времени, ходили её проведать, отвозили ей на санках продукты. И вот как-то раз, идём мы к ней с сестрой так же с санками, и тут в небе довольно низко появляется маленький немецкий самолёт. Он быстро приблизился и дал по нам очередь из пулемёта. Мы, не помня себя от страха, бросились к бабушкиному дому, а самолёт развернулся и опять пошёл на нас – добивать. Мы успели спрятаться, и чудом остались живы. Это всё произошло буквально за какие-то секунды, но вспоминаю я об этих секундах с содроганием всю свою жизнь. А однажды, когда Деденево уже стали бомбить, и случился очередной налёт, мы находились в доме рядом с бомбоубежищем, но добежать до него не успели. Пришлось вернуться и пережить налёт в доме. Бомба попала в соседний дом. Мы бросились на пол, всё сотрясалось и гудело, а на нас сверху сыпались вещи, куски штукатурки и стекла. Оцепенение наше было такое, что мы не могли плакать. Также я помню, как к нам приходили раненые. Мои тётки израсходовали все свои простыни на перевязку. Раненые рассказывали, что они из-под деревни Степаново. Под Степановым лежали в снегу, не могли поднять голову, так как немцы, только высунешься, начинали по ним строчить. Питались – кто-что припас в карманах, ели снег, почти не спали. Одного раненого только перевязали – он тут же упал со стула без сил – уснул... Однажды пришли мы в бабушкин дом на Почтовой, уже стемнело. Вдруг слышим железный лязг и грохот по заледеневшей дороге. Посмотрели в окно, а это оказались наши танки! И мы стояли, смотрели на них и плакали от радости».*

Битва за Москву, декабрь, 1941 г

Отступая, гитлеровцы находились в крайней степени ожесточения: в Степанове они зверски убили пленных разведчиков из 71 отдельной стрелковой бригады, а также сожгли своих раненых солдат, которых не успевали вывезти. Дома местных жителей были разрушены и разграблены: все носильные вещи у местных жителей немцы отобрали, скот и птицу уничтожили. Чтобы утеплиться в зимнюю стужу, фашисты не брезговали ничем – напяливали на себя юбки и кофты, заматывали головы женскими чулками и рейтузами. И частенько прихватывали с собой «трофей» не только в виде тёплых вещей. Например, в мешке убитого ефрейтора Фридриха Шульца был обнаружен рулон хлопчатобумажного суровья, 3 патефонные пластинки, 2 пепельницы, 2 килограмма манной крупы и 8 мышеловок. Бывало, что фашисты прихватывали с собой и детские игрушки.

Трофеями же 44 ОСБР в Степанове, помимо немецкого оружия, стали 6 танков, 24 артиллерийских орудия и 19 автомашин.

«Самые страшные бои у нас были в Степанове и в Языкове, – вспоминает Дмитрий Сергеевич Гливенко. – У меня в Степанове тогда жила одна родственница, и она рассказывала, как весной 1942-го, как начал таять снег, местных жителей, которыми были преимущественно женщины и девушки, мобилизовали собирать и хоронить наших убитых солдат, а их было множество. И вот она говорила, что большинство солдат были молодыми красивыми ребятами. Глядя на их лица, не тронутые тлением из-за морозов, можно было даже сказать, что они просто уснули. Женщины со слезами очищали погибших от снега и грузили на телеги. Ребят потом увозили хоронить в братские могилы».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.